

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе.
2017 – 2018 учебный год. Заключительный этап**

**Первый тур
10 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР)

Антон Чехов

Шуточка

Ясный, зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

— Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я. — Один только раз! Уверю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Всё пространство от её маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У неё замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же будет, если она рискнёт полететь в пропасть! Она умрёт, сойдёт с ума.

— Умоляю вас! — говорю я. — Не надо бояться! Поймите же, это малодушие, трусость!

Наденька наконец уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю её, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят как пуля. Рассекаемый воздух бьёт в лицо, ревет, свистит в ушах, рвёт, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с рёвом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот ещё мгновение, и кажется — мы погибнем!

— Я люблю вас, Надя! — говорю я вполголоса.

Санки начинают бежать всё тише и тише, рёв ветра и жужжанье полозьев не так уже страшны, дыхание перестаёт замирать, и мы наконец внизу. Наденька ни жива ни мертва. Она бледна, едва дышит... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что в другой раз не поеду, — говорит она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами. — Ни за что на свете! Я едва не умерла!

Немного погодя она приходит в себя и уже вопросительно заглядывает мне в глаза: я ли сказал те четыре слова, или же они только послышались ей в шуме вихря? А я стою возле неё, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку.

Она берёт меня под руку, и мы долго гуляем около горы. Загадка, видимо, не даёт ей покою. Были сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, вопрос очень важный, самый важный на свете. Наденька нетерпеливо, грустно, проникающим взором заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждёт, не заговорю ли я. О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она борется с собой, ей нужно что-то сказать, о чём-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость...

— Знаете что? — говорит она, не глядя на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Давайте ещё раз... прокатим.

Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревет ветер и жужжат полозья, и опять при

самом сильном и шумном разлёте санок я говорю вполголоса.

— Я люблю вас, Наденька!

Когда санки останавливаются, Наденька окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в моё лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык её, вся её фигурка выражают крайнее недоумение. И на лице у неё написано:

«В чём же дело? Кто произнёс *те* слова? Он, или мне только послышалось?»

Эта неизвестность беспокоит её, выводит из терпения. Бедная девочка не отвечает на вопросы, хмурится, готова заплакать.

— Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я.

— А мне... мне нравится это катанье, — говорит она, краснея. — Не проехаться ли нам ещё раз?

Ей «нравится» это катанье, а между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха, дрожит.

Мы спускаемся в третий раз, и я вижу, как она смотрит мне в лицо, следит за моими губами. Но я прикладываю к губам платок, кашляю и, когда достигаем середины горы, успеваю вымолвить:

— Я люблю вас, Надя!

И загадка остаётся загадкой! Наденька молчит, о чём-то думает... Я провожаю её с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и всё ждёт, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает её душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

— Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдёте сегодня на каток, то заходите за мной. Н.» И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток и, слетая вниз на санках, я всякий раз произношу вполголоса одни и те же слова:

— Я люблю вас, Надя!

Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к вину или морфию. Она жить без неё не может. Правда, лететь с горы по-прежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые по-прежнему составляют загадку и томят душу. Подозреваются всё те же двое: я и ветер... Кто из двух признаётся ей в любви, она не знает, но ей по-видимому, уже всё равно; из какого сосуда ни пить — всё равно, лишь бы быть пьяным.

Как-то в полдень я отправился на каток один; смешавшись с толпой, я вижу, как к горе подходит Наденька, как ищет глазами меня... Затем она робко идёт вверх по лесенке... Страшно ехать одной, о, как страшно! Она бледна, как снег, дрожит, она идёт точно на казнь, но идёт, идёт без оглядки, решительно. Она, очевидно, решила, наконец, попробовать: будут ли слышны те изумительные сладкие слова, когда меня нет? Я вижу, как она, бледная, с раскрытым от ужаса ртом, садится в санки, закрывает глаза и, простившись навеки с землёй, трогается с места... «Жжжж...» — жужжат полозья. Слышит ли Наденька те слова, я не знаю... Я вижу только, как она поднимается из саней изнеможённая, слабая. И видно по её лицу, она и сама не знает, слышала она что-нибудь или нет. Страх, пока она катила вниз, отнял у неё способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша ледяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает наконец. Мы перестаём кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург — надолго, должно быть, навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живёт Наденька, садик этот отделён высоким забором с гвоздями... Ещё достаточно холодно, под навозом ещё снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно

кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у неё становится грустным, грустным, по щеке ползёт слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей ещё раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

— Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во всё лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; её выдали, или она сама вышла — это всё равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у неё уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до неё слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для неё теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...

1886, 1889

Антон Павлович Чехов (1860–1904) – классик русской и мировой литературы, прозаик, автор более 300 рассказов и пьес, один из самых известных драматургов мира. По профессии врач. Рассказ «Шуточка» впервые был опубликован в юмористическом журнале «Сверчок» в марте 1886 года. При подготовке А.П. Чеховым собрания сочинений в 1889 году рассказ был подвергнут существенной авторской правке.

Дворянская опека – орган дворянского общества губернии, занимался опекой вдов и сирот, личных и потомственных дворян, в частности, управлял их имуществом.

Евгений Лукин

Давняя

Что ты, княже, говорил, когда солнце меркло?
Ты сказал, что лучше смерть, нежели полон.
И стоим, окружены, у речушки мелкой,
и поганые идут с четырёх сторон.

Веют стрелами ветра, жаждой рты спаяло,
тесно сдвинуты щиты, отворён колчан.
Нам отсюда не уйти, с берега Каялы, –
перерезал все пути половец Кончак.

Что ты, княже, говорил в час, когда затмение
пало на твои полки вороным крылом?
Ты сказал, что только смерд верует в знаменья,
и ещё сказал, что смерть – лучше, чем полон.

Так гори, сгорай, трава, под последней битвой!

Бей, пока в руке клинок и в очах светло!..
Вся дружина полегла возле речки быстрой,
ну а князь пошёл в полон – из седла в седло.

Что ты, княже, говорил яростно и гордо?
Дескать, Дону зачерпнуть в золотой шелом...
И лежу на берегу со стрелой в горле,
потому что лучше смерть, нежели полон.

Как забыли мы одно, самое простое –
что доводишься ты, князь, сватом Кончаку!..
Не обидит свата сват и побег подстроит,
и напишет кто-нибудь «Слово о полку».

1983

Евгений Юрьевич Лукин (род. в 1950 г.) – писатель-фантаст, автор рассказов, повестей, романов, песен и стихотворений. Лауреат литературных премий в области фантастики. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством».